

Уважаемый читатель!
Предлагаем Вашему вниманию интервью, данное Георгиосу Григориадису Деспиной Константиновной Яхиопуло 10 лет назад к ее 90-летию.

Расскажите вкратце о себе и о своих предках

Я родилась в городе Сухум 16 сентября 1924 году. Мой отец Константин Георгиевич Яхиопуло много лет проработал заведующим складскими хозяйствами сухумского морского порта. Он родился в Сухуме в 1887 г. Учился специальности в Одессе. Его отец, мой дед, Георгий Савельевич Яхиопуло приехал в Сухум-кале из Трапезунда в конце 1860 — х годов. Корнями он был из понтийской Кромны, то есть, как говорят понтийские греки, «крометэс» (ἡ κρομέτες) и очень этим гордился.

Моя мама Марианти Михайловна, урожденная Иоакимиди (Якимиди), родилась в городе Орду (Котиора) в 1895 г. в Османской империи в семье учителя греческой школы Михаила Иоакимиди. Мать ее София Полихроновна Евкарпиди была тоже из интеллигентной семьи. Кстати, ее братом был известный сухумский фотограф Иоаннис Полихроневич Евкарпиди.

Я выросла в доме, построенном дедом Георгием в 1880 году. Это один из самых старых домов города по сегодняшней ул. Конфедератов, 11. Весь большой двор принадлежал деду, а потом моему отцу, до прихода советской власти в 1921 г.

Мать приехала в Российскую империю, в Сухум в 1908 г. к своей бабушке Хриси и дяде фотографу И.Евкарпиди. Фотограф ее выдал замуж в 1912 г. за моего отца.

Отец моей матери — Михаил Иоакимиди в 1917 г. во времена геноцида греков, организованном правительством младотурок, был забран, как и все взрослое мужское население города Орду, в рабочие батальоны, так называемые, по-турецки «амеле табуру», созданные, практически, для уничтожения христианского населения Османской империи и погиб.... С ним забрали и его брата священника и учителя Ахиллеаса, который тоже там скончался.

Примерно в 1918 г. в Сухум бежали из Орду брат и сестра мамы, мои дядя Харалампий и тетя Метаморфи.

Дядя Харалампий работал в министерстве торговли в отделе потребительской кооперации. Являлся приятелем министра торговли К.Паротиди и знал хорошо Нестора Лакоба. После кончины Н. Лакоба и начавшегося террора, друзья ему

посоветовали срочно уехать в Грецию, что он и сделал. Он имел и паспорт Греции, а жена Афина и его сын Михаил уже в тот момент находились в г. Катерини.

Тетя Метаморфи проживала с мужем Христо Лазариди и 6-ю их дочерьми в нашем дворе вплоть до их выселения в Казахстан в 1949 г. В 1966 г. тетя с мужем перебрались в Афины.

ГРЕЧЕСКИЙ
СУХУМСКИЙ

ВЪСТНИКЪ

#238

Ведущий рубрики: Георгиос Григориадис
исследователь-сухумовед,
e-mail: elsuhum@yahoo.com

ДЕСПИНА ЯХИОПУЛО (1924–2020) К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

С МАТЕРЬЮ И СТАРШЕЙ СЕСТРОЙ КИРОЙ.

С ПОДРУГАМИ ДЕТСТВА, 1934 Г.

Расскажите, что Вы помните о сухумском фотографу Евкарпиди?

Я его помню только в своем раннем детстве. Он являлся родным дядей моей матери и мы часто с ней к нему заходили в фотомастерскую через проход в гостинице «Ткварчели» («Ориенталь») со стороны ул.Ленина. У него было очень красиво. Но, я еще была маленькой, когда он уехал в Новороссийск, где жил его брат Манолис, да там и остался. Позже они забрали к себе и престарелую мать-мою прабабушку Хриси, которая до этого жила у нас во дворе. Мне казалось, что ей тогда уже было лет под 100...

Фотографии И.Евкарпиди, на которых я была запечатлена с мамой пропали, когда во время ВОВ мы находились в деревне, а одна моя приятельница из Павловки посетила наш дом и выбрала из альбома фотографии, которые ей понравились. Позже она сама мне об этом рассказала, но эти фотографии так и не вернула. Они пропали, когда ее семью выслали в Казахстан в 1949 г. А вот у моей сестры Софии сохранились фотографии, которые он ей сделал.

Расскажите о вашей греческой школе

Я училась в сухумской греческой семилетней школе № 8, находившейся в центре города на тогдашней улице 4-го марта, 22 (сегодня ул. Лакоба, 26), которую окончить не успела, так как греческие школы закрыли в 1938 г. Я успела пройти курс 5-ти классов, после чего перешла в русскую 4-ю школу, где вначале я столкнулась с трудностями, хотя владела русским языком, но, как оказалось недостаточно хорошо.

Окончившие греческую семилетку могли продолжить учебу в греческой десятилетке, находившейся около греческой церкви по ул. Леселидзе (ныне ул.Абазинская). Все мои сестры успели окончить греческую школу, а я прочулась только 5 классов по вышеупомянутой мной причине.

Наша греческая школа существовала еще до революции, в советское же время она получила номер 8.

Директором школы, который в нашем классе преподавал греческий язык и литературу являлся Эммануил (Манолис) Федорович Митафиди — человек высокоэрудированный, интеллигентный, прекрасно относившийся к детям. Я очень благодарна ему за полученные знания и за уроки человечности. В начальных классах моей учительницей была очень теплый человек — Стелла, фамилию которой я, к сожалению, не помню. Она в 1939 г., после закрытия наших школ, уехала в Грецию. На память о ней я всю жизнь храню фотографию с ней и моей дорогой подругой детства Пинелопой (Мисикой) Паротиди, которая тоже уехала в Грецию вскоре после закрытия школы.

Наше учебное заведение входило в число примерных школ города.

РОДИТЕЛИ.

С УЧИТЕЛЬНИЦЕЙ СТЕЛЛОЙ И ПОДРУГОЙ ПИНЕЛОПОЙ ПАРОТИДИ.

ПРАБАБУШКА СОФИЯ, МАМА МАРИАНТИ И ДЯДЯ ХАРАЛАМБОС (АНАСТАСИОС). 1912 Г.

В ДЕТСТВЕ.

С ОДНОКЛАССНИКАМИ. 8 КЛАСС 4-Й РУССКОЙ СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ, 1940 ГОД. НИЖНИЙ РЯД (СЛЕВА НАПРАВО): ЯХИОПУЛО ДЕСПИНА, ..., ТАСЯ, ВЕРХНИЙ РЯД: СИМАКОВА НИНА, ..., САПРЫКИНА АЛЛА.

ПРИЕМ В ПИОНЕРЫ В ГРЕЧЕСКОЙ ШКОЛЕ. ДЕСПИНА ТАНЦУЕТ С ПИНЕЛОПОЙ

С СЕСТРОЙ КИРОЙ У СТЕНЫ СУХУМСКОЙ КРЕПОСТИ, 1929 Г.

ДЯДЯ ХАРАЛАМПИЙ, МАМА МАРИАНТИ, СУПРУГА ХАРАЛАМПИЯ АФИНА И ЕЕ РОДСТВЕННИЦА. НОВЫЙ АФОН, 1929 Г.

Между сменами мы ставили короткие драматические постановки, исполняли куплеты и четверостишия про жизнь в школе, повествуя об успехах и недостатках, о строительстве социализма, а также устраивали разные игры. В этой связи, директор М. Митафиди писал юмористические сценки, в которых мы сами высмеивали свои недостатки. Таким педагогическим методом, он показывал в чем нам надо исправиться.

Мы имели свою местную радиостанцию, которая ежедневно сообщала об успехах каждого класса, кто лучший ученик, кто отстаёт, кто принимает активное участие в пионерской организации.

После занятий мы принимали участие в работе драматического кружка, в кружке радиолюбителя и в антирелигиозном кружке. Хотя наши греки почти все были религиозными, мы не имели возможности не участвовать в таком кружке, навязанном коммунистической системой.

У нас при школе имелась богатая библиотека, созданная директором.

Учеба в школе начиналась с нулевого класса, который вместе с первым, вторым, третьим и четвертым, считались начальными классами. А пятый, шестой и седьмой классы относились к неполной средней школе.

В школе нас обучали литературному греческому языку и делали замечания, когда мы говорили на ромейка (понтийском диалекте), который учителя характеризовали как деревенский язык.

Мне на всю жизнь запомнился эпизод, когда на уроке греческой литературы директор Манолис Митафиди меня поправил.

Он никогда не кричал на учеников и всегда реагировал спокойным тоном, глядя ребенку в глаза, старался объяснить, что так себя вести нельзя, или доброжелательно поправлял учеников, если они ошибались. Как-то, отвечая урок, я по ошибке сказала «косара», то есть «курица» на понтийском диалекте, а Эммануил Федорович спокойно отреагировал: — «Что? Что ты сказала?», — «орнифа» (птица, курица на кафаревусе), поправил он меня.

В 1938 г., после завершения академического года, нас обязали все греческие учебники, которые у нас были дома, принести в школу. Как нам стало известно позже, руководству школ было дано указание сдать все учебники представителям органов власти, которые впоследствии ими были сожжены.

Вы помните Нестора Лакоба?

Наша греческая школа находилась недалеко от дома, где жил Нестор Аполлонович Лакоба.

Возвращаясь домой после занятий, мы часто его встречали около подъезда дома. Он нас обнимал и интересовался нашими успехами.

Нестор Аполлонович плохо слышал и использовал специальный слуховой аппарат.

Мы его очень любили, и теплое отношение Нестора Аполлоновича до сих пор осталось в моем сердце и в сердцах учеников нашей школы.

Я с моей двоюродной сестрой Софией Попандопуло порой его вспоминаем добрым словом.

С ним был хорошо знаком директор нашей школы Манолис Митафиди.

Когда мы узнали о смерти Нестора Лакоба, то были очень расстроены, и все наши ученики рыдали. Помню, это был конец 1936 года.

Его гроб от Келасурского вокзала несли до городского театра. Траурное шествие прошло и по ул. 4-го марта, мимо его дома, и мимо нашей

8-й греческой школы. Многие ученики греческих школ, в том числе и нашей, тоже присутствовали на вокзале в Келасури, куда было доставлено его тело. Для нас это было большое горе.

После его кончины жизнь греков, абхазов, а также и всех меньшинств сильно изменилась.

Интернациональный климат, когда все национальности республики были равноправными и принимали участие в руковод-

стве республики, изменился. Ему на смену пришла националистическая ассимиляционная политика, которую проводили бериевцы и их сторонники. Эта политика, спустя десятилетия, в конце концов, привела к грузино-абхазской войне 1992-93 гг.

Расскажите о своей профессиональной деятельности

В 1945 г. после окончания курсов счетоводов — бухгалтеров я поступила на работу счетоводом отдела снабжения в управлении сухумского порта.

В 1948 г. греков стали снимать с работы, так как уже секретно готовилось выселение нашего народа из Абхазии. Это коснулось и меня лично: я была уволена по сокращению штата 19 декабря 1948 г.

Но, поскольку была нехватка специалистов, меня часто приглашали на временную работу. Запомнилось, как бухгалтер, приехавший из Кутаиси (он был еще и артистом) пригласил меня сделать с ним совместно годовой баланс. Баланс до этого не могли составить полгода. После этого я опять была не нужна.

Этот бухгалтер, к сожалению, я уже не помню его фамилию, был не в курсе где я, и стал меня разыскивать. Ему сказали, что я уволена. Он в ответ им, подняв голос, сказал, что уволит всех их никчемных и оставит одну меня.

Тем не менее, официально устроиться на работу удалось

только 2 декабря 1950 г., когда я была принята на работу в трест Абхазпереселенстрой.

В те годы возводилась дома для переселенцев из Грузии в Абхазию. Эту организацию, как многие тогда говорили, более логично было бы назвать иначе: «Грузинпереселенстрой» или «Мегрелпереселенстрой».

Я ездила и по селам, и по городам, где проводились строительные работы. Хорошо запомнилась поездка в Мокву.

Спустя много лет, мой сын нашел мою фамилию в книге «Абхазия: Документы свидетельствуют, 1937-1953 гг.», в опубликованном в ней документе, когда я проводила ревизию в Мокве.

Согласно моей трудовой книжке, 1 марта 1951 г. я была переведена на должность бухгалтера треста «Абхазпереселенстрой». Со 2 февраля 1956 г. я — бухгалтер Строительного управления №1, где я проработала до 5 июля 1968 г. Вскоре после потери старшего сына я уволилась.

Спустя много лет, перед уходом на пенсию, я отработала около 3-х лет в Загорском агентстве «Союзпечати» в 1985-1987 гг., так как зарплата 1968 г. была значительно ниже зарплат 1980-х годов. А, как известно, пенсия начислялась на основе зарплаты последних лет работы.

Продолжение следует